

Эсхатологическое измерение христианского ренессанса в философии Н. А. Бердяева

Научный руководитель – Козырев Алексей Павлович

Забелин Кирилл Викторович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории русской философии, Москва, Россия

E-mail: Zabelin.k@inbox.ru

В истории русской мысли Николай Бердяев известен своими критическими выпадами в адрес европейского ренессанса с его гипертрофированным гуманизмом и культивированием человекопоклонства. Вместе с тем, человек, его свобода и творческая самореализация волновали философа на протяжении всей его жизни. В попытке синтезировать противоречия между мирским и священным, человеческим и божественным, Бердяев обращается к концепции «Третьего завета» – завета творчества. Возможность для реализации этих чаяний философ видит в наступлении христианского ренессанса, который, по его мысли, возможен на русской почве. Речь о т.н. «русском возрождении», которое, по Бердяеву, является собой преодоление языческих идеалов Античности, по-своему реабилитировавшихся в гуманизме Нового времени, – в пользу идеалов христианского трансцендентизма и эсхатологизма.

В отличие от таких идеологов «русского возрождения» как В. Зелинский и И. Анненский, видевших возможность его наступления единственно через синтез с культурой античности, Бердяев резко отрицает такой путь, утверждая, что русское мировоззрение инстинктивно бунтует против античности. По его мысли, иррациональное и безмерное в матрице русского сознания агрессивно противостоит древнегреческому идеалу меры и космоса как самозамкнутого порядка, которому смертные способны лишь внимать. Мир, в котором человек находит себя страдающим и угнетённым, не есть порядок, этот мир *не в порядке*, – и потому должен быть радикально преображён. И по Бердяеву это есть подлинно христианская интуиция. В его понимании именно христианство утверждает важность иррационального, динамического начала в историческом процессе, примат содержания (духа) над пресловутой античной формой (материей) и соответственно – фундаментальную ценность человека как свободного творящего субъекта.

Отсюда ясно, почему одной из констант для Бердяева является утверждение активно-творческой роли человека. Необходимость творчества, сам его смысл связаны с признанием нижеестественного состояния мира. Мир, выражаясь словами Андрея Платонова, «тревожен, истомлён и гневен». То, что для грека Гераклита есть норма и порядок вещей (мир как вечный огонь, «мерами вспыхивающий и мерами угасающий») вынуждает христианина Платонова на печальную констатацию: «истомлённый» мир «горит и не горит и будет остывать всю вечность». По Бердяеву именно творчество призвано завершить этот страдающий собственным несовершенством мир, разрешив его жестокие противоречия.

Согласно Бердяеву, каждый творческий акт есть акт завершения мира, акт «перехода в царство свободы, выход из заколдованности мира». Каждый акт творчества как отменяющий время и прорывающийся через объективацию – несёт в себе эсхатологический заряд. В такой перспективе проблема апокалипсиса открывается с особой стороны: на смену пассивно-выжидательной позиции человека приходит активно-творческая задача. В отличие от гуманистического европейского ренессанса, давшего свои определённые

творческие плоды, вектор творчества для человека наступающей эпохи христианского ренессанса должен быть направлен не на приспособление мира земного для нужд человека, но на уготовление его благого конца, на свершение мира вообще, на завершение истории и выход в метаисторию.

Бердяев надеется, что в христианском ренессансе удастся преодолеть гуманистическую антропологию фаустовского человека, вывести его из тупиков внешней, объективированной бесконечности к религиозной гармонии духа. В «Русской идее» философ отмечает, что, в отличие от европейского ренессанса, русский ренессанс включает в себя специфические черты, присущие отечественной философской традиции, в том числе обострённые религиозные искания, эсхатологическую перспективу, а также значение социальной компоненты.

Таким образом, доклад посвящён прояснению проблемы разграничения нововременного и христианского возрождения в понимании Бердяева.

Источники и литература

- 1) 1) Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
- 2) 2) Бердяев Н. А. Война и эсхатология // Путь. - № 61. - Окт. 1939 - март 1940. - С. 3- 14.
- 3) 3) Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт православной этики (1931) // О назначении человека / М., 1993.
- 4) 4) Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2002. С. 366.
- 5) 5) Половинкин С.М. Русский персонализм. М.: «Синтаксис», 2020.
- 6) 6) Николин В. В., Николина О. И. Эсхатология как метод в творчестве Н. А. Бердяева: синтез разума и веры // Вестн. Ом. ун-та. 2021. Т. 26, № 4. С. 51-56.